

Сэмюэл Бернстайн

перевод Л.Н.Новикова

Французский ежегодник 1968

М.: Наука. 1970. С.72-97

Веб-публикация: **Vive Liberta**

Ссылки на тематически связанные материалы

даны нами после скана статьи

ФИЛИПП БУОНАРРОТИ И БРОНТЕР О'БРАЙЕН

 1836 г в Лондоне вышла книга, насчитывающая свыше 450 страниц убогистого текста и озаглавленная «Buonarroti's history of Babeuf's conspiracy for equality» («История заговора Бабефа во имя равенства») Книга была снабжена многочисленными примечаниями переводчика, содержащими его размышления относительно Французской революции и демократического правления, и обширным введением, где излагалась краткая биография автора Кроме того к ней было приложено письмо, датированное 3 мая 1836 г, которое переводчик получил от автора — Филиппа Буонарроти, жившего тогда в Париже, где он и скончался в следующем году в возрасте 76 лет

Этот перевод, насколько нам известно, был первым переводом книги Буонарроти на иностранный язык Он был опубликован в виде отдельных выпусков ценою 2 шиллинга каждый, вероятно с целью способствовать его распространению среди рабочих, и затем переиздан в виде книги Бертран Барер, политэмигрант, живший в Брюсселе, сообщал, что за несколько дней было продано 50 тыс экземпляров¹ Но цифра, по-видимому, слишком завышена

Переводчик книги — ирландец Джемс Бронтер О'Брайен был более известен под своим псевдонимом — Бронтер Ему исполнился 31 год, но он уже зарекомендовал себя как сторонник рабочего класса и талантливый журналист, одаренный пером острым, как лезвие бритвы, и склонностью к неологизмам, безжалостно разящим коварных врагов Обладая теоретическим складом ума и эрудицией, он внес существенный вклад в создание чартистской идеологии Фергюс О Коннор, издатель влиятельной чартистской газеты «The Northern Star», однажды отозвался о нем как об «учителе чартистов»

Перевод Бронтера был в некоторых отношениях гораздо большим, чем просто добросовестная передача французского текста Во-первых, благодаря сведениям, полученным от Буонарроти, подлинные имена почти везде заменили анаграммы, придуманные в свое время, чтобы обезопасить оставшихся еще в живых участников бабувистского заговора Во вторых, благодаря комментариям Бронтера, стремившегося показать, что книга Буонарроти имеет прямое отношение и к условиям английского общества 30 х годов XIX в И, наконец, в третьих, он добавил к переводу ряд

¹ *Bertrand Barere* Memoires Paris, 1842—1844, IV, p 93

отрывков из произведений прославленного социалиста-утописта Роберта Оуэна, чтобы читателям легче было судить о сходстве бабуизма и оуэнизма, на чем Бронтер подробно остановился в одном из примечаний. Эта аналогия, приведшая в восторг Буонарроти, не удовлетворяла О'Брайена, хотя он и продолжал придерживаться ряда усвоенных им ранее оуэнистских идей.

Прежде чем перейти к рассмотрению упомянутой книги, позволим себе заранее предупредить читателя, что здесь мы имеем весьма редкий случай в истории социализма, когда и автор, и переводчик знаменитой работы были в равной мере выдающимися людьми.

Несколько слов о французском издании книги. Она была опубликована дважды: в 1828 г. в Брюсселе и в 1830 г. в Париже. В течение следующих сорока лет трижды появлялись сокращенные издания. Так, в 1849 г. журнал «Propagande démocratique et sociale» опубликовал брошюру, содержащую многочисленные отрывки из книги Буонарроти. В следующем году необабуист Г. Шараве переиздал книгу, исключив приложенные к ней документы.

К концу Второй империи левый республиканец Артюр Ранк опубликовал сокращенный вариант, содержащий лишь несколько избранных документов.

Широкое распространение идей социализма после Второй мировой войны дало новый толчок изучению бабуистского движения. Результатом этих более глубоких изысканий явились, во-первых, ряд работ о Бабефе и Буонарроти², во-вторых, первый перевод истории бабуистского заговора на итальянский язык³ и, наконец, новые издания книги Буонарроти на французском и русском языках. Не считая комментариев издателя, достоинствами французской публикации, вышедшей в 1957 г. обычным форматом, были краткая библиография и введение, написанное Жоржем Лефевром⁴. Второй русский перевод, тщательно подготовленный Э. Желубовской, был опубликован в Москве в 1963 г. Это издание дополняет текст Буонарроти тремя документами, два из них он мог лишь цитировать, так как их не было у него на руках, а именно: «Жалоба французского народа на его угнетателей» и «Мнение о двух наших конституциях». Третий документ — «Настоятельное слово патриотам» Бабефа служит примером чрезвычайно трудной работы по восстановлению первоначального текста. Изданный Буонарроти как четырнадцатый в разделе «Документы», он был сильно искажен.

Весьма вероятно, что Буонарроти начал писать свою книгу вскоре после того, как в 1824 г. он поселился в Брюсселе, высланный из Швейцарии по требованию правительств Австрии, Франции и Сардинии⁵. Вопрос, который неизбежно задают все изучающие бабуизм, состоит в следующем: как Буонарроти сумел дать столь точное описание событий через тридцать лет, проведенные им в тюрьме и изгнании, постоянно находясь под надзором и не имея доступа к основным источникам? В своем предис-

² Наиболее известные среди них: *A Galante Garrone. Buonarroti e Babeuf*. Torino, 1948; его же. *Filippo Buonarroti e i rivoluzionari dell'Ottocento, 1828—1837*. Torino, 1951; *Armando Saitta. Filippo Buonarroti. Contributi alla storia della sua vita e del suo pensiero*. Roma, 1950—1951, 2 vols.; *Samuel Bernstein. Buonarroti*. Paris, 1949.

³ Torino, 1946. Перевод был сделан Гастоне Манакорда.

⁴ См. мою рецензию на это издание в «Science and Society», 1957, XXI, p. 346—352.

⁵ В Государственном архиве Женевы на него имеется досье, содержащее важные данные. Дата его высылки 16 мая 1823 г. Согласно этому досье он был связан с масонскими ложами Женевы. Досье содержат также отчет о его действиях в Женеве с 1806 г., данные о его семье, упоминания о попытках дипломатического нажима с целью добиться его высылки. Archives d'état de Genève: Archives de familles, Rigaud III, 36—37. См. также: *Maurice Pianzola. La mystérieuse expulsion de Buonarroti*. — «Cahiers internationaux», décembre 1954, p. 53—66; *G. de Bertier de Sauvigny. Un dossier de lettres inédites de Chateaubriand* — «Revue d'histoire moderne et contemporaine», 1956, III, p. 306.

словии он частично отвечает на этот вопрос. Во-первых, он сохранил четкие воспоминания. Буонарроти был одним из руководителей движения и составлял проекты многих важных документов. Он знал секреты и планы тайной директории, сносился с ее агентами, участвовал в спорах, в которых рождалась политика бабувистской организации, и разделил ее неудачу. Другими словами, благодаря такому опыту и положению в бабувистской организации он сам являлся живым кладом первоисточников. Кроме того, еще были живы некоторые его сподвижники, например Феликс Лепелетье — один из членов Верховной директории и Дидье — главный посредник между Директорией и подчиненными ей агентами. Очень вероятно, что старые коллеги удостоверляли и дополняли написанное. Кроме того, в Брюсселе он разыскал людей, высланных еще во время Французской революции, которые, вероятно, помогли Буонарроти раздобыть важные документы. Среди этих людей были Марк Вадье, возглавлявший во время революции Комитет общественной безопасности, а впоследствии сблизившийся с бабувистским движением; Бертран Барер из Комитета общественного спасения, сыгравший таинственную роль в ниспровержении робеспьеристов; старый аббат Сиейс, которому посчастливилось пережить все перипетии борьбы за власть с 1789 по 1814 г. и чьих внучатых племянниц Буонарроти учил математике и музыке; Приер (из Марны), бывший монтаньяр, вступивший в изгнании в масонскую ложу. Возможно, он встречал и других французских эмигрантов в мастерской художника Жака Луи Давида, который был руководящим деятелем в области искусств в период якобинской диктатуры. Кроме того, через соответствующие каналы можно было получить печатные стенографические протоколы бабувистского процесса и важные документы организации, захваченные полицией. Многие из этого вошло в «Документы» вместе с другими материалами, которые, по словам Буонарроти, он «смог вновь обрести», возможно с помощью влиятельных друзей. Ему посчастливилось также воспользоваться помощью бельгийца Луи де Поттера, профессионального историка, социалиста-республиканца⁶. Известно, что Поттер помог Буонарроти привести в порядок материал, правил рукопись, читал корректуру и частично финансировал издание.

Тем не менее история заговора имеет неизбежные пробелы. Например, мы ощущаем отсутствие многих дополнительных проектов, касающихся устройства будущего общества. Эти проекты были, очевидно, уничтожены вместе с другими бумагами. Однако сохранившиеся свидетельства достаточно авторитетны, чтобы подтвердить правильность картины бабувистского общества, нарисованной Буонарроти. По словам того же Барера, книга по истории бабувистского заговора была хорошо принята в Бельгии⁷. Во Франции интерес к ней возрос после 1834 г., когда репрессии загнали социалистов и левых республиканцев в подполье.

Буонарроти остался верен идеям Бабефа. Однако он проявил готовность принять то, что, по его мнению, было разумным в трех школах социалистической мысли, возникших после разгрома бабувистской организации. Из этих трех школ — фурьеристов, сен-симонистов и оуэнистов — Буонарроти отдавал предпочтение последней, находя в ней сходство с бабувистами. Вероятно, под влиянием фурьеризма он обратил пристальное внимание на разорение и нищету, порождаемые прибылью и грабежом, пришедшими вместе с «периодом эгоизма» (по терминологии фурьеризма) на смену феодальному строю, которому у Фурье соответствует «финансовый феодализм». Но Буонарроти не признавал почти никакой ценности за социальной схемой Фурье, построенной исходя из человеческих страстей. Его альтернативой был коммунизм уравнилельного толка. «Ра-

⁶ См., например, его «Etudes sociales». Bruxelles, 1845. О Луи де Поттере см.: L. Jottrand. Louis de Potter. — «Revue trimestrielle», 1860, XXVII, p. 5—104.

⁷ B. Barère. Op. cit., t. IV, p. 92.

венство, — писал он в предисловии, — единственный институт, способный удовлетворить все истинные потребности, должным образом направить благотворные страсти, обуздав опасные страсти и сделав общество свободным, счастливым, мирным и долговечным».

Как и Бронтер, Буонарроти относился к сен-симонизму двойственно. С одной стороны, им обоим была чужда идея общества, разделенного на классы, с другой стороны, они симпатизировали некоторым сторонам сен-симонистской доктрины — критике существующего общества, принципу ассоциации как средству, нейтрализующему индивидуализм. Буонарроти также приветствовал требование свободного образования, обучения искусствам и ремеслам и отмены наследования. Буонарроти сочувствовал даже сен-симонистской идее о «санкции религии», при условии ее временного действия. Он, как и Бронтер, выступает здесь против поисков нового мистицизма, который О'Брайен называет «новым откровением»⁸. Согласно Буонарроти, только «естественная религия», т. е. вера в Верховное существо и в бессмертие души и непризнание откровения и любой формы отправления культа, за исключением народных празднеств, — только такая религия приводит к равенству. Такое же единство духовного и светского за вычетом мистицизма и литургии пытался ввести и Робеспьер, хотя его цель и не была столь далеко идущей, как у бабувистов. Но их средства не различались. В обоих случаях вера в божество должна была служить достижению желаемой цели. При поддержке естественной религии было бы легче взять курс на новый образ жизни. Ибо, как выразил это Буонарроти в своих замечаниях по адресу сен-симонистов, «человеческие законы ни в коем случае не должны противоречить незыблемым законам природы»⁹.

Кстати, отметим, что у бабувистов не было определенной политики в отношении религии, вероятно, потому, что трудно было достигнуть согласия по столь спорному вопросу. Некоторые разделяли атеизм Сильвена Марешаля; другие, в том числе Буонарроти, вдохновлялись идеями Руссо и, следовательно, принимали робеспьеровский культ Верховного существа. Сам Бабеф, по-видимому, не занял какой-либо определенной позиции в вопросе о религии. Тем не менее согласно Буонарроти бабувисты рассматривали веру в естественное божество как политический инструмент, способствующий переходу к новому обществу. В этом отношении взгляды бабувистов и сен-симонистов на религию были схожи.

Нам придется отложить до следующего раздела дальнейшее сравнение двух школ мысли. Там же мы выскажемся и по поводу глубокого внимания Буонарроти к оуэнизму. Здесь следует лишь отметить, что внимание, с которым Буонарроти относился к социальным экспериментам оуэнистов, свидетельствовало о взаимном интересе французских и английских социалистов к учениям друг друга, задолго до того как Бронтер решил перевести «Заговор во имя равенства». Прежде чем перейти к разбору всего этого комплекса идей, мы должны представить автора и переводчика.

* * *

В предисловии к переводу Бронтер предлагает вниманию читателей «Биографический очерк о Буонарроти». К сожалению, отнюдь не по вине автора очерк был написан на основе неточных компиляций, о чем Буонарроти сообщал автору в письме от 3 мая 1836 г., на которое мы уже ссылались. Подобные компиляции были единственным имевшимся у Бронтера материалом. Благодаря стараниям тори история Франции с 1789 по

⁸ Мнение Бронтера о сен-симонистах см. в «The Poor Man's Guardian», November 30, 1833.

⁹ Цитируется по «Papiers et correspondance de Philippe Buonarroti». Bibliothèque Nationale. NAF, 20, 804, f. 19, приведенным у S. Bernstein. Op. cit., p. 191

1815 г. была так искажена, что в начале 30-х годов XIX в. найти написанное по-английски правдивое свидетельство о Французской революции было почти невозможно. Обычным источником, на который опирались английские авторы, был лживый сборник Филиппа «*Biographical Anecdotes of the Founders of the French Republic*», выдержавший, несмотря на большой объем, за два года два издания¹⁰ и долгие годы считавшийся авторитетным источником. Например, он цитировался в большой статье, посвященной книге Буонарроти, консервативным «*Quarterly Review*» в 1831 г.: «Никогда не было книги, все утверждения которой заслуживали бы большего доверия». Целью автора статьи было указать на это достоверное свидетельство как на предупреждение английскому народу о ниспровержении всех устоев и терроре, которые ему уготованы, если агитаторы — радикалы и социалисты сегодняшнего дня доведут до конца свои планы¹¹. Робеспьеры, Мараты, Бабефы вновь выдвнутся и приведут к таким же массовым убийствам, которые сделали столь отвратительной Французскую революцию. Поэтому, когда Бронтер приступил к биографии Робеспьера, он был так возмущен невероятными выдумками историков, что счел необходимым предпослать своей истории обширный критический обзор источников.

Мы уже упоминали кратко о некоторых моментах жизненного пути Буонарроти. Проследим теперь эволюцию его взглядов. С самого начала мы должны констатировать, что его мировоззрение базировалось на философии XVIII в. и революционной практике. Происходя из видной, образованной тосканской семьи, бывшей в родстве с Микеланджело, он пользовался покровительством герцогского двора. Но рациональное воспитание, полученное дома, а также чтение во время обучения в Пизанском университете работ Локка, Кондильяка, Гольбаха, Гельвеция, Мабли, Юма, Руссо и др. посеяли в нем отвращение к окружавшему его закостенелому феодальному обществу. Руссо в особенности «был моим учителем», говорил Буонарроти перед Верховным судом в Вандоме в 1797 г. «Принципы равенства и народного суверенитета воспламенили мой ум. Отныне я был совершенно убежден, что долг каждого честного человека — способствовать низвержению социального строя, угнетающего цивилизованную Европу, дабы заменить его новым, который обеспечит достоинство и счастье всех людей»¹². Он изучал право, но своды законов навели на него скуку. Кроме того, Буонарроти испытывал отвращение к юридической практике. Новые теории полностью захватили его. Веяние их ощущалось повсюду, где собиралась интеллигенция, — в салонах, в театре. Писатели стали уделять больше внимания содержанию, а не форме, подражая Дидро в усиленной критике концепции искусства. «Новым идеалом, — говорит Франческо де Сантис, — не был более бог или герой феодальных времен. Им был обыкновенный представитель среднего класса, пришедший в конфликт с жизнью и обществом и в полной мере вкушивший горести и радости борьбы»¹³.

Буонарроти твердо воспринял идею философов о том, что политика должна иметь своей целью счастье народа. Он вступил в тайные общества, которые исповедовали новые принципы. В 1786 г. полиция произвела у него дома обыск и обнаружила несколько антирелигиозных книг, в том числе «Систему природы» Гольбаха. В следующем году, согласно опубликованной после его смерти статье, Буонарроти приступил к изда-

¹⁰ Первое издание вышло в 1797 г. В предисловии ко второму изданию автор писал, что первое было распродано в несколько месяцев, было перепечатано в Ирландии и Америке и переведено в Европе.

¹¹ The Quarterly Review», 1831, XLV, p. 167—209.

¹² S. Bernstein. Op. cit., p. 19.

¹³ Francesco de Sanctis. History of Italian Literature. New York, 1931, II, 861.

Французская революция вспыхнула, когда Буонарроти было без малого 28 лет. Она пробудила его надежды; ее руководители стали для Буонарроти образцом, а ее «Декларация прав человека» привела его в восторг. В серии статей для итальянской газеты он превозносил героизм французов и отмечал чрезвычайную важность захвата Бастилии. Энтузиасты смотрели на него как на апостола демократии, но власти видели в его лице угрозу феодальному строю. Он бежал на Корсику, где встретил простых людей, бросивших вызов привилегированным классам. В апреле 1790 г. с целью распространения демократических принципов Буонарроти начал издавать в Бастии еженедельник «*Giornale patriottico di Corsica*». Само название еженедельника подсказывало основное направление его аргументации. Патриотами были только те, кто стремился установить суверенную власть народа; обструкционисты *ipso facto* ставили себя вне закона¹⁵.

Нет нужды говорить, что пламенная защита Французской революции сделала Буонарроти главой нарождающегося демократического движения. В связи с этим контрреволюционеры решили избавиться от него. Он был схвачен, избит, отвезен на судне в Ливорно и там заключен в тюрьму. Но благодаря вмешательству Генерального совета Корсики и французского Национального собрания он вернулся на остров. Совет не только поддержал его ходатайство о предоставлении французского гражданства, но и с похвалой отозвался о его мужестве, преданности и ревностном исполнении административных обязанностей в интересах свободы. В ответ на это Буонарроти вновь отдал всего себя делу революции. Прошло почти два года, прежде чем ему было предоставлено французское гражданство¹⁶.

В наши намерения не входило подробно останавливаться на напряженной борьбе Буонарроти против сепаратистского движения на Корсике, возглавляемого Паскалем Паоли. Достаточно сказать, что до 1793 г. правительство в Париже не вело активной борьбы с этим движением. Причиной тому послужили начало революционной войны в апреле 1792 г., ряд событий, кульминацией которых явилось провозглашение Первой республики, и противоречия между партиями в Конвенте. Наконец, когда Англия стала серьезно угрожать позициям Франции на Средиземном море, положение на Корсике приобрело первостепенную важность. Конвент объявил Паоли и сепаратистскую партию вне закона и признал заслуги Буонарроти, назначив его своим представителем в завоеванных областях Италии.

Давайте обратимся к памфлету, написанному Буонарроти в 1793 г. в разгар борьбы с паолистами¹⁷, ибо уже в нем намечается стратегия будущего бабувиста. Мы опустим описание им мрачной картины острова и обвинения сепаратистов, контрреволюционеров и иностранных врагов в тайном заговоре против республиканцев. Для нашей цели гораздо важнее рассмотреть те меры, которых Буонарроти требовал в целях укрепления республиканских институтов. Кроме настойчивого внедрения республиканских и революционных принципов в начальных школах и посредством бюллетеней и газет, написанных простым итальянским языком, он требовал учреждения революционного органа, уполномоченного добиваться двух целей: искоренения старого строя и подготовки народа к новому. Таким образом, Буонарроти рекомендует революционную диктатуру как эффективное средство достижения конечной цели.

¹⁴ «*Le Journal du peuple*», 1 octobre 1837.

¹⁵ Выдержки из первых 32 номеров газеты были изданы А. Амбрози в «*Bulletin de la société des sciences historiques et naturelles de la Corse*», № 389—392, 421—424.

¹⁶ S. Bernstein. Op. cit., p. 23 q.

¹⁷ «*La conjuration de Corse entièrement dévoilée*». Paris, 2e année républicaine.

Это был урок революционной стратегии, который Буонарроти выстрадал на Корсике и подтверждение которому он увидел в Париже. В 1793 г. Буонарроти прибыл в столицу с кратким визитом, чтобы ответить на обвинения паолистов и получить французское гражданство. Он стал свидетелем изгнания жирондистов из Конвента, установления власти якобинцев и прихода к руководству Робеспьера. Буонарроти проникся к нему глубоким уважением.

Из-за блокады английского флота Буонарроти не смог вернуться на Корсику и продолжать выполнение своих обязанностей. Вместо этого он служит революционному правительству на континенте, на юге и юго-востоке. Он содействует производству оружия, снабжает продовольствием французские суда и руководит восстановлением вновь отвоеванной морской базы в Тулоне. Его наблюдения во время выполнения этих поручений, изложенные в отчетах министру внутренних дел, свидетельствуют о тех больших шагах, которые он сделал на пути познания искусства революции. Только истинные революционеры, писал Буонарроти, должны быть делегатами правительства и направляться им для разъяснения народу целей революции. Чтобы доказать преимущества революции, они должны поднять производство. Особое значение придавал Буонарроти поддержке рабочих. Пока их политическое просвещение не сделает первостепенно важным делом, победа революции будет крайне сомнительной. «Ничего не было сделано для образования трудящегося класса, — сообщал он министру. — Не было издано никаких работ на местном диалекте, и ни один революционный агитатор не был сюда послан», чтобы противодействовать клерикальной проповеди¹⁸.

Эти предложения вытекали из практического опыта. Небезынтересно отметить, как Буонарроти применял их на территории, отнятой у Сардинского королевства, куда он был направлен в качестве администратора Комитетом общественного спасения. Он наблюдал за деятельностью администрации, добивался улучшения качества хлеба, обуздывал жадных подрядчиков, объяснял крестьянам, как бороться с вредителями фуража, распоряжался, чтобы жители поддерживали в чистоте свои города, переписывался с военными властями, наказывал офицеров, подозреваемых в контрреволюции, и приступил к разъяснению новых принципов простому народу. Его программа просвещения преследовала три цели: убедить жителей, что цель революции — вырвать их из нынешних условий нищеты; подготовить их к самоуправлению; показать им, что французское правительство не намерено вмешиваться в их веру, хотя оно и содействует распространению культа Верховного существа.

В мае 1794 г. в прокламации на итальянском языке Буонарроти изложил якобинский идеал демократии. Так как это произведение содержит кредо его автора на том этапе, на нем стоит остановиться. Прокламация заявляет, что конечная цель французской революционной партии та же, что и Евангелия: освободить смиренных от надменных. Это будет достигнуто с помощью санкюлотов. Старые социальные устои покоились на эксплуатации многих немногими. Незначительное меньшинство жило за счет труда народа, нанимало слуг, обожествляло королевских деспотов, «чтобы с их санкции легче было нас грабить», и держало народ в невежестве. Этот порядок полностью противоречит природе. Исходя из предпосылки, что бог создал всех людей свободными и равными, прокламация утверждала, что никто не может господствовать над другими. Только народ суверенен. Перефразируя Сен-Жюста, Буонарроти говорил: «В свободной стране не должно быть ни одного несчастного создания. Жизнь и собственность всех граждан принадлежит нации»¹⁹.

¹⁸ Pierre Caron. Rapports des agents de ministre de l'intérieur dans les départements. Paris, 1913, v. 1, p. 144 qq.

¹⁹ Pia Onnis. Filippo Buonarroti. — «Nuova rivista storica», 1939, XXIII, 358 f.

После 9 Термидора служебные обязанности Буонарроти окончились. Он был арестован и отправлен в Париж, где его обвинили как приверженца террора. Не сумев оправдаться перед своими обвинителями, Буонарроти был заключен в тюрьму, где встретил ряд своих будущих коллег по «заговору равных».

Служа якобинскому правительству, Буонарроти понял, что революция будет остановлена и повернута вспять, если не пойдет решительно вперед вплоть до освобождения угнетенных. Но во время пребывания в тюрьме он еще был левым якобинцем, ревнивым защитником низвергнутых робеспьеристов. В итоге долгих дискуссий с товарищами по заключению вроде Дебона и Бабефа, Буонарроти вышел из тюрьмы с более широким кругозором и более ясными представлениями о классовых отношениях. Насколько нам известно, о Дебоне сохранилось очень мало сведений. Второй же, Бабеф, стал объектом широкого научного исследования²⁰. Его понимание социальной структуры соответствовало уровню мысли и условий XVIII в. Оно сформировалось под влиянием опыта в его родной Пикардии и в Париже, а также благодаря чтению критических трудов Руссо, Морелли, Мабли, Ленге, Неккера и Госселена.

Бабеф видел Францию разделенной на два противоположных класса. Один, составляющий 99% населения, производил все, но сами жили в нищете; оставшийся один процент состоял из крупных землевладельцев, присваивавших продукты труда. Альтернативой этого общества, по мысли Бабефа, будет такое общество, где все будут в одно и то же время производителями и потребителями, где (цитируем его собственные слова), не будет «ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых».

Нелегко строить предположение о том воздействии, какое оказали аргументы Бабефа на мировоззрение Буонарроти. В лучшем случае мы можем сделать вывод о том, что первый проявил перспективы, которые смутно виделись второму. С другой стороны, последний доказал, вероятно, первому неосновательность его антиробеспьеристских настроений²¹. Во всяком случае после долгих часов, посвященных пересмотру событий и причин торжества реакции, многие расхождения во мнениях между заключенными исчезли. К моменту освобождения они находились на пути к организации движения, которое идентифицировалось с именем Бабефа.

Даже в известной мере пересмотренные идеи Буонарроти все еще носили на себе отпечаток плебейских концепций XVIII в. в вопросах просвещения, демократии и эгалитаризма. Они обнаруживали недоверие бабувистов к высшему образованию, которое, по их мнению, могло нарушить предустановленное социальное равновесие. Ибо бабувисты как партия были по существу социальными уравнилителями, чья программа требовала для всех удовлетворения минимальных потребностей, уважаемой посредственности (*l'honorable mediocrité*) не потому, как мыслил английский философ-анархист Уильям Годвин, что это компенсировалось бы максимальным досугом для интеллектуальных занятий, а потому, что их высшей целью было обеспечение каждого предметами первой необходимости в ту эпоху, когда наука и производство еще не открыли путей к изобилию. В бабувистском обществе предполагалось установить надзор за использованием досуга, а интеллектуалов считали подозрительными из

²⁰ Многочисленные статьи, а также чрезвычайно ценные рукописи опубликованные за последние десять лет в «*Annales historiques de la Revolution française*» и в других изданиях, пролили новый свет на личность Бабефа. Из новых бабувистских документов мы должны указать «*Correspondance de Babeuf avec l'Academie d'Arras 1785—1788*» (Paris, 1961), изданную Марселем Рейнарсом. Последние наиболее значительными и прекрасно документированными работами являются *V. M. Dalin. Babeuf Studien* Berlin, 1961 и его «*Гракс Бабеф 1785—1794*» М., 1963, а также *Claude Mazauric. Babeuf et la conspiration pour l'égalite* Paris 1962.

²¹ *S. Bernstein. Essays in Political and Intellectual History* New York, 1955, p. 80—86.

опасения, как бы они не возвысились над простым народом. Тем не менее бабувисты признавали искусство, науку и технологические усовершенствования, но не в целях увеличения доходов путем сокращения стоимости непроизводительного труда, как рассуждали физиократы, а для облегчения бремени рабочих и увеличения массы общественных развлечений. Таким образом, налицо было явное противоречие между простым, спартанским равенством, с одной стороны, наукой и досугом — с другой. Бабувисты не решили этого противоречия, хотя они стремились к такому «положению вещей, когда каждый индивидум мог бы при наименьших затратах труда вести наиболее обеспеченный образ жизни»²².

Идеи Буонарротти никогда не были свободны от противоречий. В своей защите учений Бабефа и Оуэна в конце 20-х годов XIX в. он доказывал, что при коммунизме внимание, уделяемое образованию, науке и промышленности благодаря большому досугу, повысит всеобщее благосостояние и позволит достигнуть «прочного счастья и подлинной и совершенной цивилизации»²³. Но дух спартанского равенства постоянно преследовал его, даже когда он писал книгу, так же как он преследовал французских утопистов XVIII в. и сторонников Руссо, чьи идеи постоянно проступают в его писаниях. До самого конца он верил, что хорошая жизнь лишь та, когда промышленность использует для удовлетворения умеренных потребностей.

Сомнения Буонарротти в пользу технологического прогресса могут объяснить его отрицательное отношение к вере Сен-Симона в predetermined прогресс. Если бы это было так, говорил он, стремление человека достигнуть лучшего социального порядка было бы бессмысленно. Тот факт, что человек имеет способности и развивает их, не означает, что он непременно движется вперед. Он может направить свои способности как на хорошие цели, так и на дурные. Иными словами, вера в неизбежную способность к совершенству исключает силу разума, т. е. способность человека выбирать между альтернативами. Рассуждение Буонарротти по этому поводу казалось вполне здравым. Но он скоро вернулся к взглядам XVIII в. Лучшим обществом, писал он, является общество любви и братства, а не общество с чрезвычайно развитой промышленностью, которое предвидели сен-симонисты. Привязанное к частной собственности, оно было бы «источником тщеславия, зависти, ненависти и войны. Небольшая промышленность, говорил великий человек, объединяет граждан; сильно развитая промышленность разъединяет их и делает враждебными друг другу и несчастными»²⁴.

Эти размышления были записаны в апреле 1830 г., когда Буонарротти все еще жил в Брюсселе. Это произошло за три месяца до второй французской революции, которая лишь завершила цепь событий, благодаря

²² *Buonarrotti. Conspiracy pour l'égalité dite de Babeuf. Paris, 1957, v. II, p. 149.*

²³ *Ibid.*, p. 214—215. Буонарротти, очевидно, познакомился с оуэнизмом благодаря трем статьям, посвященным этому учению Жозефом Реєм (Rey). Первые две были опубликованы в ежемесячном сен-симонистском журнале «Le Producteur» за сентябрь — октябрь 1826 г. Два года спустя все три статьи были изданы в виде книги под заглавием «Lettres sur le système de la coopération mutuelle et de la communauté de tous les biens, d'après le plan de M. Owen» (Paris, 1828). Рей был карбонарием в начале 20-х годов XIX в. Чтобы избежать лап полиции, он уехал в Швейцарию, затем в Германию и Голландию и, наконец, в Англию, где стал страстным оуэнистом. Когда Фрэнсис Райт и Гийом Сильван Казимир Фикепаль д'Арюсмон, участники оуэновской колонии «Новая Гармония», посетили в 1830 г. Париж, Буонарротти расспрашивал их об оуэнистских коммунах в Соединенных Штатах. Он пришел к выводу, что основной причиной их неудачи была не невыполнимость замысла, а неправильное управление делами. Он увлекся воспитательными экспериментами и методами оуэнистов. См.: *F. Rude. Un socialiste utopique oublié: Joseph Rey (1779—1855). — Annales de l'université de Grenoble, nouvelle série, lettres-droits, 1944, XX, p. 75—104; см. там же «Le Producteur». — September 1826, IV, p. 526—644; october 1826, V, p. 129—160.*

²⁴ См.: *S. Bernstein. Buonarrotti, p. 193.*

которым буржуазия пришла к власти во Франции, Бельгии и Великобритании. Подобный исход событий означал, что капитализм сделал огромный шаг вперед, сопровождаемый такими последствиями, как накопление капитала и разобщение людей. Борьба классов стала более ожесточенной. Это было время, когда экономическая литература обогатилась некоторыми лучшими произведениями, критикующими капитализм, работами таких соиздательных умов, как Фурье, Сисмонди, Оуэн, Годскин, Томпсон. Буонарроти был знаком с их идеями и, разумеется, с идеями Оуэна и английского движения за реформу в 20—30-х годах XIX в.

Язвительное изображение буржуазного общества, данное Фурье, по-видимому, укрепило его неприязнь к промышленному капитализму. Вероятно, и Сисмонди с очевидностью показал ему, что это общество обещает рабочим лишь мрачное будущее. Во всяком случае появление новой тирании он приписал быстрому росту промышленности и торговли. Но он никогда не думал о них как о базе для более передового общества. Его социальная философия продолжала основываться на типичном для XVIII в. сочетании спартанской умеренности и уравниательства.

По этой же самой причине Буонарроти лишь смутно заметил появление пролетариата. Фактически пролетариату отводилась незначительная роль в борьбе за установление его системы. В достижении этой цели он полагался на тесно сплоченную тайную организацию. Это был метод бабувистов, которому он остался верен. Однако он мог многое сказать «об огромной диспропорции между многочисленным классом наемных рабочих и сравнительно малым классом капиталистов», неравенство которых привело к «нищете первых». «Невежество становится неизбежным для этих людей, обремененных работой, в то же время оно является необходимой мерой предосторожности для тех, кто взвалил на них это бремя». Неравное распределение собственности и власти было причиной «всех беспорядков, на которые жалуется девять десятых жителей всех цивилизованных стран. Отсюда происходят для них лишения, страдания, унижения и порабощение... и то интеллектуальное неравенство, которое из своекорыстных побуждений неправильно приписывают преувеличиваемому неравенству умственных способностей»²⁵.

Конечно, забастовки французских рабочих и восстания 1831 и 1834 гг., по всей вероятности, рассеяли все сомнения Буонарроти, если таковые еще у него оставались, о непримиримости классов. И если мы добавим к написанному Буонарроти небольшой трактат Вуайо д'Аржансона²⁶, мы сможем составить себе более ясное представление о том, как понимал в те годы Буонарроти классовую структуру. «Все богатство создается трудом» — такова предпосылка трактата. Стоимость всех производимых трудом благ д'Аржансон оценивал в 8 миллиардов франков, которые делились на три части: прибыль, ренту, зарплату. Первые две части составляли 2 миллиарда, или четверть стоимости всего произведенного, и последняя — 6 миллиардов. Та четвертая часть, которая не потребляется трудящимися, идет кучке праздных богачей, которые ничего не сделали для ее создания, но присвоили эту часть продукта благодаря монопольному обладанию политической властью. Три четверти произведенного трудом идет на поддержание существования подавляющего большинства нации, примерно 30 миллионов человек или 15 миллионов, если исключить женщин, детей, стариков и нетрудоспособных. Чтобы завершить эту картину неравенства, трактат говорит о том, что все налоги взимаются с последней части, т. е. из 6 миллиардов франков, составляющих зарплату.

²⁵ *Buonarroti. Conspiracy pour l'égalité dite de Babeuf*, v. I, p. 27, 28—30.

²⁶ *Voyer d'Argenson. Boutade d'un riche à sentiments populaires*. Paris, 1833. Согласно Армандо Саитта («Filippo Buonarroti». Roma, 1951, t. II, p. 160), поправки в трактате были сделаны рукой Буонарроти. См. также: *Voyer d'Argenson. Discours et opinions*. Paris, 1846, t. II, p. 351—358.

Таким образом, рабочие не только создают тот излишек, за счет которого богатые ведут расточительный образ жизни, но они также платят и все налоги. Если все это принять во внимание, то вряд ли, доказывает д'Аржансон, на поддержание жизни 30 миллионов человек останется более одной трети от 6 миллиардов франков.

Этот принадлежащий Буаье д'Аржансону набросок методов, с помощью которых непроизводительные классы присваивают плоды чужого труда, не был оригинален. Фурье привел свой длинный список паразитических классов, нарисовал исчерпывающую картину того, как они жили за счет нации, не внося никакой лепты в производство материальных благ. Сисмонди также показал необычайно ясно и с глубоким возмущением, как условия данной экономической системы держат производителей в нищете и способствуют роскоши крупных владельцев земли и капитала²⁷. Все же д'Аржансон пошел далее, чем кто-либо до него, в подразделении продуктов труда и присваивающих их богачей.

Его анализ общественных классов соответствовал простому товарному производству, типичному для экономического положения Франции 30-х годов XIX в. Хотя благодаря росту техники экономика радикально менялась, ремесленное производство все еще преобладало. Кроме того, новая техника вводилась сначала в районах, удаленных от Парижа, который был цитаделью ремесла и колыбелью революции. Ремесленник сохранял свои позиции еще много поколений, но так или иначе он испытывал на себе все возрастающую конкуренцию со стороны новых средств производства. По отношению к капиталисту он был бесспорно в невыгодном положении, опасаясь потери своей независимости. Следовательно, когда Буаье д'Аржансон и Буонарроти делили французов на небольшую кучку эксплуататоров и эксплуатируемых ими 30 миллионов человек, они имели в виду ремесленную экономику. Это был тот же самый тип экономики, на основе которого возникли социальные и экономические идеи их более молодых революционных современников, подобно заговорщику Луи Огюсту Бланки, историку Альберу Лапоннере, публицисту сен-симонистского толка Жану Рейно и автору коммунистических памфлетов Жан Жаку Пийо²⁸. Все они исходили из простого товарного производства. Товар, заключающий в себе некоторое количество труда, подлежал обмену на другой товар, на производство которого затрачено такое же количество труда. Деньги, будучи средством обмена, служат их владельцам, чтобы обманом лишить производителей части их продукта путем вычета из него прибыли, ренты и налогов. Совершенно очевидно, что деньги как мерило стоимости, как сила, которая приводит в движение колеса экономики, — эта сложная природа денег была так же неизвестна Буонарроти, как и его последователям и более молодым революционерам. Согласно их образу мышления деньги стояли на пути свободного обмена, давая возможность финансистам и лендлордам собирать дань, подобно разбойникам на перекрестках дорог. Такова была концепция экономики, породившая выражение Прудона — «собственность есть кража» и заявление последователя Буонарроти Шарля Теста — «праздность есть грабеж»²⁹.

²⁷ J. C. L. Simonde de Sismondi. Nouveaux principes d'économie politique, ou de la richesse dans ses rapports avec la population. Paris, 1827, 2 vols.

²⁸ S. Bernstein. La presse néo-Babouviste (1837—1848). Colloque international de Stockholm (Babeuf et les problèmes du babouvisme) (Paris, 1963, p. 251—252); см. также «Французский ежегодник. 1960». М., 1961, стр. 191.

²⁹ Во время суда над ним за помощь в опубликовании трактата Буаье д'Аржансона. «Papiers de Charles Teste». Bibliothèque Nationale, NAF, 20, 805 f, 269. О Тесте см.: Julien Kuypers. Les Egalitaires en Belgique. Bruxelles, 1960, 142 qq. Этот биографический очерк, перепечатанный из «Les Nécrologes liégeois pour 1853», был написан Феликсом-Делассом, другом Буонарроти и его товарищем по тайным обществам в Бельгии.

Подобное мировоззрение отрицало всякую возможность примирения классовых противоречий в будущем, что предсказывали сен-симонисты. Сен-симонистская история последовательно сменявших друг друга классов, от рабов и до рабочих, сочеталась с их верой в человеческую способность к совершенствованию. Отношения братства, которых они добились, должны были вmeshаться в классовый конфликт, смягчить его остроту, так чтобы каждый последующий этап был более гуманным, чем предыдущий. И придет время, обещали сен-симонисты, когда сила братства объединит наконец капиталистов и рабочих в великом начинании по сотворению земного рая.

Эта радужная картина будущего казалась Буонарроти неубедительной. Он сомневался в том, был ли феодализм шагом вперед по сравнению с рабством, а капитализм — по сравнению с феодализмом. Подобно Бронтеру, как мы увидим далее, он утверждал, что рабовладелец больше заботился о рабе, чем феодал о крепостном крестьянине или предприниматель о рабочем. Это не означает, что Буонарроти либо Бронтер предпочитали рабство капитализму. Их целью было ответить на утверждения тех современников, которые считали, что раз прогресс предопределен — бесполезно бороться за лучший образ жизни.

Буонарроти остался верен бабувистским методам. Открытие им оуэнизма привело к тому, что он поверил в возможность мирного перехода к обществу равных. Но это было лишь мимолетной надеждой. Революция 1830 г., поставившая у власти буржуазию, рассеяла всю веру в мирный переход. Лучшее, на что он мог в то время надеяться, был пересмотр налогообложения. Он требовал подоходного налога, начиная с 1% на первую 1000 франков и дохода до 50% на 100 тысяч франков. Новый налог имел бы своей целью, заменив все прочие прямые и косвенные поборы, облегчить бремя рабочих и мелких независимых производителей, но отнюдь не пресечь в корне общественные недуги³⁰.

Его план налогообложения показывает, что внимание Буонарроти было занято альтернативой: реформа или революция. Эту же альтернативу рассматривали и мыслители XVIII в., которые обычно отдавали предпочтение реформе. Они опасались, что революция может вызвать смуту и развязать дикие страсти простонародья. В этом причина, почему пыл многих из них был охлажден событиями, начавшимися в 1789 г. В течение следующих четырех десятилетий вопрос о выборе между мирным и насильственным способами изменения существующего порядка волновал всю Европу, включая царскую Россию, где декабристы составили заговор с целью ниспровержения деспотизма.

Бабувисты пришли к выводу, что реформа является лишь средством, возбуждающим стремление народа к полному равенству. Но она не может, по выражению Бабефа, «совершить несовершенное». «Вы можете обложить богача каким угодно налогом,— писал он в 1796 г.,— но так как он монополизировал предметы потребления, он найдет способ нажиться даже на бедняках, если вы не примете меры по созданию непродолимыми барьеров против его алчности»³¹.

Такой же позиции придерживался по данному вопросу и Буонарроти. Ни сен-симонистское требование отмены наследования, ни замена прямых налогов косвенными не решали дела коренным образом. В лучшем случае подобные реформы могли лишь смягчить социальные язвы. Болезнь слишком серьезна, чтобы можно было вылечить ее подобным образом. Но по крайней мере можно ее облегчить³².

³⁰ «Papiers et correspondance de Buonarroti». Bibliothèque Nationale NAF, 20, 804, f. 14.

³¹ «Le Tribun du peuple», N 39, II, p. 199.

³² «Papiers et correspondance de Buonarroti». Bibliothèque Nationale, NAF, 20, 804, f. 14.

Налоговая реформа была одним из пунктов программы-минимум Буонарроти. В числе других пунктов были: резкое сокращение государственных расходов, отмена ограничений избирательного права и ценза для занятия должностей³³. Разумеется, он не рассчитывал, что эти меры будут приняты, пока буржуазия уверенно держит бразды правления. Почему же тогда он их защищал? Не потому, что они были его альтернативой революции, а потому что он рассматривал их как средство для формирования общественного мнения, чтобы затем бросить вызов власти правящего класса. Он рассчитывал, что заговор низвергнет эту власть, а революционная диктатура проложит путь обществу равных. Эту веру он сохранил до конца своей долгой и беспокойной жизни.

* * *

Бронтер возражал против этих средств и целей. Хотя он и готов был признать возможность установления в конечном счете коммунизма, однако хотел достигнуть этого с помощью разума и доброй воли. По его собственным словам, коммунизм должен быть «делом мудрости и знания». Образцом для него был проект Дж. А. Этцлера³⁴, который описывал земной рай, достигнутый благодаря свободной ассоциации богатых и бедных, ибо они убедились, что это единственный ответ на конкуренцию, совместимый со здравым смыслом. Но для этого народ в первую очередь нуждается в определенной подготовке, говорил Бронтер, и предварительными мерами являются всеобщее избирательное право и реформированный парламент. За время своей долгой общественной карьеры Бронтер временами отклонялся от этого пути, но он никогда не отступал от курса на мирное преобразование.

Он допускал, что общность имущества и удовольствий представляет некоторые преимущества. Однако он отказывался признать, что частная собственность неприемлема с общим благополучием. «Я никогда не встречал ни одного аргумента против частной собственности,— писал он, критикуя Бабефа и Оуэна,— который не мог бы объяснить *злоупотреблением*, а не *употреблением* этого института... Я — за новые законы о собственности; но не за такие, которые упразднят частную или личную собственность, а за такие, которые утвердят ее на справедливой основе, обеспечив каждому то, что принадлежит ему на законном основании, и в то же время воспрепятствовав ему использовать свое богатство в ущерб другим»³⁵. Большим злом, по его мнению, является нетрудовой доход и «накопление плодов чужого труда»³⁶. Это зло не порождается неизбежно частной собственностью, а в гораздо большей мере ростовщичеством, которое связано с системой торговли и лендлордизмом.

Следовательно, есть большая разница между Бронтером и Буонарроти в вопросе о коренных причинах социальных противоречий и нищеты. В дальнейшем горячий интерес, проявленный Бронтером к земельной реформе, привлек его внимание к работам целого ряда предшественников, прежде всего Томаса Спенса, Уильяма Огилви и Чарльза Холла³⁷,

³³ Papiers et correspondance de Buonarroti». Bibliothèque Nationale, NAF, 20, 803, f. 234.

³⁴ Полное название книги Этцлера «The Paradise within the Reach of all Men, without Labour, by Powers of Nature and Machinery. An Address to all Intelligent Men». London, 1836. Впервые она была издана в Питсбурге в 1833 г. Этцлер выпустил продолжение к ней под названием «The New World or Mechanical System». Philadelphia, 1841.

³⁵ Buonarroti. History of Babeuf's Conspiracy for Equality. London, 1836, p. 217—220.

³⁶ «The Poor Man's Guardian», December 8, 1832.

³⁷ С основными работами Спенса и Огилви можно ознакомиться в книге, изданной Максом Бером, «The Pioneers of Land Reform» (New York, 1920); см. также: *Spem-*

которым он был обязан своим проектом национализации земли. В 1837 г. он изложил основные положения этого проекта³⁸, связав его с реформой денежного обращения и системой обмена, заимствовавшей им у Оуэна. В заключительном анализе Бронтер призывал к достижению мирными политическими методами такого общественного строя, где не будет бесполезных, не занятых производительным трудом людей и где каждый производитель будет получать полный продукт своего труда. Один из изучавших его труды метко охарактеризовал Бронтера как социалиста, стоящего «между бескомпромиссными коммунистами и теми, кто защищал постепенное реформирование социального строя»³⁹.

Таким образом, Бронтер не разделял ни диагноза Буонарроти относительно общественных недугов, ни предписываемого им средства излечения. В отличие от франко-итальянского бабуниста, он не оставил после себя последовательно изложенной системы взглядов. Однако его экономический и социальный анализ был более тщательным. Ни в опубликованных Буонарроти материалах, ни в его частных бумагах — нигде мы не найдем того, чтобы он, подобно Бронтеру, исследовал права частной собственности и несправедливости по отношению к труду, действие системы прибыли и распределения прибавочного продукта, экономическую основу общественных классов. И хотя критические оценки Бронтером взглядов оппонентов, в особенности тех из них, кто принадлежал к экономистам, прежде всего оуэнистов и сторонников американского движения за национальную земельную реформу, и не вылились в последовательную идеологическую систему, они образовали целый резервуар идей, из которого щедро черпали чартисты. Кроме работ вышеназванных сторонников земельной реформы он изучал также труды Годвина и Оуэна, Томаса Годскина и Уильяма Томпсона. Конечно, его исследование экономического положения не было столь полным, как у двух последних названных социалистов. Все же он сумел вскрыть наиболее отвратительные пороки общества, движимого стремлением к прибыли. Историческую роль капитализма он обошел, так как видел в нем главным образом продукт обмана и грабежа. Он верил, что власть капитализма может быть сломлена законодательством реформированного парламента. Подобное решение проблемы казалось движением вспять после его беспощадной оценки тех зол, которые причинил капитализм.

Те, кто любит акцентировать внимание на расхождениях между Бронтером и Буонарроти, должны учитывать традиции, на которых каждый из них был воспитан, и условия, с которыми им пришлось столкнуться. Первый противостоял буржуазии, которая была обязана своей властью, во-первых, давно заключенному компромиссу с феодальной аристократией и, во-вторых, своему накопленному богатству, приобретенному благодаря быстрому росту промышленности и торговли. Бронтер резюмирует это ретроспективно: «Огромное увеличение нашего торгового капитала за последние 30 или 40 лет [до 1832 г.] и особенно за период войны [1793—1815] дало интересам денежных групп явное преобладание, с точки зрения богатства, над земельной аристократией. Поэтому стало

се. The Rights of Infants. London, 1797, которая содержит его замечания на книгу Пейна «Agrarian Justice». Полезна также в этой связи работа O. D. Rudkin. Thomas Spence and his Connections New York, 1927. Рудкин напечатал некоторые выдержки из неопубликованной переписки между Спенсом и Холлом (p. 130—135). Лучшим источником для изучения идей Холла является книга «The Effects of Civilization on the People in European States» (London, 1805). Второе издание вышло в 1813 г. вместе с очерком «Observation on the Principle Conclusion in Mr. Malthus's Essay on Population». Третье издание вышло в 1850 г.

³⁸ «Bronterre's National Reformer», February 25, 1837.

³⁹ A. Plummer. The Place of Bronterre O'Brien in the Working Class Movement.— «The Economic History Review», 1929—1930, II, p. 77.

невозможно устранять эти группы от политической власти дольше, чем они сами устраивались от нее»⁴⁰.

Второй, Буонарроти, столкнулся с буржуазией, которая боролась за то, чтобы вырвать государственную власть у феодальных классов, но еще не связала эту власть с новым способом капиталистического производства. Французская экономика в целом была отсталой. Даже после революции 1830 г. капитализм еще медленно развивался во Франции. Ремесла, как мы уже отмечали, проявляли удивительную способность к сопротивлению техническим нововведениям. Английские рабочие 20-х годов XIX в. завоевали право объединяться и заключать коллективные договоры, а французам закон еще долгое время это запрещал, и за нарушение его их строго наказывали. Конечно, во Франции были рабочие лидеры, которые призывали рабочих объединяться в национальном масштабе, независимо от профессии, но они были малочисленны, и их призывы доходили лишь до очень узкого круга рабочих. В результате репрессий продолжали существовать устаревшие ассоциации ремесленников и росли тайные и полутайные политические общества, состоящие из лиц свободных профессий. Дальнейшим следствием этого явились восстания, на что власти отвечали усилением репрессий, порождавших в свою очередь еще более законспирированные заговоры.

Великобритания была в какой-то мере избавлена от подобного хаоса и насилия, не потому, что там не было народных движений с передовой программой или правящие классы были против применения террора, ибо в 1792 и последующих годах были брошены в тюрьмы, осуждены и высланы руководители обществ, выступавших за политическую реформу. Тяжелые времена после Ватерлоо открыли новую главу в движении за реформу, на что правительство ответило приостановкой действия Habeas Corpus, преследованием прессы и запретом общественных собраний. Результатом этих репрессий явился кровавый эпизод 1819 г. в Питерлоо, близ Манчестера. Другими словами, английский правящий класс, подобно французскому, спешил подавить силой любой вызов своему господству. Но вместо того чтобы рисковать своим положением в уличных боях, как сделали Бурбоны в 1830 г., английский правящий класс уступил. Это было вызвано тремя причинами. Во-первых, вторая французская революция, низвергшая с трона Бурбонов, послужила для правящего класса Англии предостережением и ослабила его решимость и самоуверенность. Во-вторых, размах всенародного волнения в Великобритании вот-вот грозил перерасти в революцию, а правящий класс не был к этому готов. И наконец, раскол в рядах правящего класса и его стремление сохранить существующие институты побудили его сделать обогатившийся средний класс своим политическим партнером. Это развитие событий разрушило союз сторонников реформы и усилило противников демократического течения.

Различия в политической истории Франции и Великобритании могут объяснить несходные условия, в которых формировалось мировоззрение Бронтера и Буонарроти. Однако воздействие ряда общих побудительных **мотивов** сближало их в некоторых областях. В своей социальной философии оба они находились под влиянием характерной для XVIII в. теории естественного права. В отличие от физиократов и экономистов от Локка до Адама Смита, обосновывавших естественным правом частную собственность, они, опираясь на ту же теорию, приходили к отрицанию собственности. Следовательно, они осуждали разделенное на классы общество, в котором небольшое меньшинство живет за счет огромного большинства. И стремясь к осуществлению своих целей, оба полагались на

⁴⁰ James Bronterre O'Brien. A Dissertation and Elegy on the Life and Death of the Immortal Maximilian Robespierre. London, 1859, p. 76.

политические действия. Государство, будь оно демократическим, как у Бронтера, или революционным, как у Буонарроти, явится инструментом для достижения этих целей, а именно: национализации земли, реформы денежного обращения и справедливой системы обмена, в одном случае; общества равных — в другом. Хотя Бронтер в большей мере, чем Буонарроти, рассматривал промышленный и аграрный вопросы как две стороны одной социальной проблемы, он был склонен, подобно ветерану-бабувисту, приписывать сельскому хозяйству преобладающее значение при достижении хорошей жизни. Подобно многим современникам, Бронтер тосковал по ушедшим в прошлое добродетелям допромышленного строя и приравнивал ростовщичество к капитализму. Отсюда его настойчивость в вопросе денежной реформы как обязательного условия справедливого обмена.

И Бронтер, и Буонарроти возражали против философии прогресса, согласно которой переход от рабства и крепостничества к наемному труду был исторически предопределен самим ходом развития и в конце концов приведет к социальному строю, при котором не будет эксплуатации человека человеком. Наемный труд, писал Бронтер, является лишь «косвенной, скрытой формой рабства», которая «превратила сытых и обеспеченных кровом рабов в голодающих, одетых в лохмотья пауперов. В результате этого в Европе появился пролетариат, гораздо более многочисленный и несчастный, чем одушевленное имущество древних»⁴¹. Буонарроти, как мы показали, говорил по этому поводу то же, но лишь другими словами. Оба они преувеличивали относительную безопасность положения рабов, и оба отрицали, что крушение рабства было шагом вперед. Они сожалели не о социальной революции, которая это выполнила, а о том, что после нее осталось незавершенным. Таким образом, человечество должно было пережить еще одну, более грандиозную революцию⁴². Это и было целью Французской революции 1789 г., говорили они, но те, кто нажился в результате революции, направили ее по ложному пути. Бедняки и низшие сословия, совершившие революцию, были лишены своих завоеваний и остались после казни Робеспьера без руководителя. Это приводит нас к целому комплексу идей, которые Бронтер и Буонарроти полностью разделяли, а именно: к их робеспьеризму, который стал для них символом веры. Прежде чем исследовать воздействие робеспьеризма на их мировоззрение, мы должны вкратце проследить эволюцию Бронтера, по крайней мере до того момента, когда он пришел к выводу, что защита Робеспьера неразрывно связана с общей борьбой за демократию и социализм.

* * *

В начале нашего очерка мы сказали, что, когда Бронтер издал свой перевод книги Буонарроти, он уже был видной фигурой и его уважали и опасались как талантливого журналиста. Фактически он был профессиональным литературным бойцом, подобно своему старшему современнику Уильяму Коббету. Бронтер на трибуне — это сама быстрота и энергия, он был неистощим в своих репликах, а голос его нравился и обезоруживал. К тому же он имел склонность к иронии. «В его остроумии не ощущалось неуважения, — вспоминал историк чартизма Гаммедж. — Оно было блестящим и убедительным». «Никто, — продолжал Гаммедж, — не мог так легко слить воедино довод, сатиру и красноречие или бросить это тройное оружие в лицо противнику с большей силой»⁴³. К 1836 г.

⁴¹ O'Brien. The Rise, Progress and Phases of Human Slavery. London, 1885, p. 6. Впервые опубликовано как 21 письмо в «Reynolds's Political Instructor», November 17, 1849 — May 4, 1850.

⁴² Ibid., p. 54.

⁴³ R. G. Gammage. History of the Chartist Movement. London, 1894 p. 77.

он сотрудничал в «Political Letters and Pamphlets» Уильяма Карпентера и издавал несколько радикальных еженедельников, из которых наиболее известным был «The Poor Man's Guardian» («Защитник бедняка») ⁴⁴, принадлежавший издателю и книготорговцу Генри Гетерингтону ⁴⁵ и бывший главным органом неутомимых защитников не облагаемых налогом газет. Здесь, а также в других газетах, основанных и издаваемых им в дальнейшем ⁴⁶, Бронтер и выработал свои руководящие принципы жизни.

Он происходил из зажиточной ирландской семьи и еще ребенком остался без отца. В 13 лет он поступил в довольно современную школу, где отличился в учебе, а в семнадцать лет — в Тринити-колледж в Дублине, присудивший ему высшее отличие, которое мог получить выпускник. Он готовился к адвокатуре, но разочаровался в юридической практике, подобно Буонарроти. И подобно итальянцу, он пристрастился к радикализму. Бронтер решил, по его собственным словам, «посвятить свои способности низвержению закона, а не его поддержанию и погоне за деньгами и карьерой путем защиты или осуществления этого закона» ⁴⁷. Он пришел к выводу, что закон является насквозь «фикцией и мошенничеством» ⁴⁸. В Лондоне, куда он приехал, чтобы продолжить изучение юриспруденции, он встретил ряд выдающихся радикалов, и среди них Уильяма Коббета, сына батрака и блестящего журналиста ⁴⁹, Генри Ханта, кумира масс, одного из лучших ораторов своего времени, согласно Фрэнсису Плейсу ⁵⁰, и Генри Гетерингтона. Возможно, он также водил компанию с такими героями «борьбы за свободу печати» (используя слова Уильяма Ловетта), как Джеймс Уотсон — оуэнист, издатель радикальной литературы, Джон Клив — смелый человек, бывший моряк, затем владелец кафе, и Уильям Ловетт — известный как автор Народной хартии ⁵¹. Благодаря этим людям Бронтер попал в рабочее и социалистическое движение. Его «Письма» в вышеупомянутом еженедельнике Карпентера еще в начале 1831 г. говорили фактически о его повороте к социализму.

Бронтер вбирал в себя различные идеи. Мы говорили, что его мышление было связано с теорией естественного права, при помощи которой он оспаривал притязания богатых на продукты труда. Их право было необоснованным, утверждал он. К этому выводу он пришел, познакомившись с писаниями социалистов и сторонников земельной реформы. Теория естественного права подтверждает право производителей на полный продукт своего труда, заявлял Бронтер, но на деле они умирают с голоду. В этом заключается противоположность между естественными и искусственно созданными правами собственности, на которую уже указал Годскин. Иными словами, право собственности было злом для трудящихся. Причина этого состоит в том, — Бронтер цитирует тот же источник, — «что закон всегда, и прежде, и теперь, был делом рук людей, которые

⁴⁴ Стоит упомянуть ее полное название «The Poor Man's Guardian, a Weekly Newspaper for the People, Published Contrary to Law to Try the Power of «Might» against «Right».

⁴⁵ См.: *Ambrose G. Barker. Henry Hetherington 1792—1849. London, n. d.*

⁴⁶ «Bronterre's National Reformer», 1837; «The National Reformer and Manx Weekly Review of Home and Foreign Affairs», 1846—1847.

⁴⁷ Цитируется по анонимному автору краткой биографии Бронтера в «Reynolds's Political Instructor», March 30, 1850.

⁴⁸ «Bronterre's National Reformer», January 7, 1837.

⁴⁹ См. одну из лучших биографий: *G. D. H. Cole. The Life of William Cobbett. New York, 1924.*

⁵⁰ См. наиболее подробную биографию Ханта: *Robert Huish. The History of the Private and Political Life of Henry Hunt, esq. his Times and Contemporaries. London, 1835—1836. 2 vols.*

⁵¹ См.: «Life and Struggles of William Lovett in his Pursuit of Bread, Knowledge and Freedom. New York, 1920, с вступительной статьей Тоуни.

сами не трудятся. Закон создают те, кто по природе своей не имеет каких бы то ни было прав на богатство. Цель закона и правительства — разрушить то естественное право собственности, которое они согласно своей теории намереваются якобы гарантировать»⁵². Именно таким образом, по словам Бронтера, богатые маскируют свой грабеж.

История среднего класса показала ему значение экономических факторов. Однако его обогащение Бронтер приписывал не механизму экономической системы, а его важной политической роли. Поэтому и путь к его низвержению лежит через завоевание рабочими политических прав, что нарушило бы монополию среднего класса в политической сфере. Бронтер неустанно агитировал за всеобщее избирательное право, видя в нем наилучшее лекарство для нездорового социального строя. Он не отрицал значения борьбы тред-юнионов за повышение зарплаты и сокращение рабочего дня, но предупреждал, что, пока они не принимают участия в управлении, «они не добьются прочного благополучия ни для себя, ни для своей страны». Без всеобщего избирательного права никакая рабочая организация «не сможет противостоять подавляющему влиянию общества при его нынешней форме правления и конституции»⁵³.

Разумеется, рост зарплаты и сокращение рабочего дня явились бы «двойной атакой на собственность», а «атаковать собственность значит атаковать кражу». Но наиболее быстрый и надежный для тред-юнионов путь — добиться всеобщего избирательного права⁵⁴. Это объединит их, вместо того чтобы делить их силы между вигами и тори. Рабочие союзы должны иметь свой голос в законодательстве, иначе все усилия будут тщетными. Раз они приобретут право голоса, они «фактически будут править страной». Тогда они смогут упразднить или перестроить церковь и государственные институты, изменить экономическую систему или «заменить существующую ныне порочную денежную систему сертификатами, свидетельствующими количество затраченного труда, и сделать таким образом ростовщичество невозможным». Они могут договориться «работать сообща» или же обмениваться продуктами «на справедливых условиях... без вмешательства подлых посредников». Таким образом, с помощью всеобщего избирательного права они смогут «без шума, но эффективно переродить мир. Удар по прибылям — это удар по всем злодеяниям в мире. Зачем содержат духовенство и армии? Чтобы поддерживать собственность. Но что поддерживает собственность? Прибыли. Без людей, получающих прибыль, аристократия скоро бы перевелась»⁵⁵.

Бронтер, как можно заметить, еще не нашел альтернативы капитализму. Но он уже далеко проследил его динамику, гораздо дальше, чем Буонарроти. Это вновь возвращает нас к вопросу о различиях между ними. Буонарроти никогда не думал о политических действиях тред-юнионов как о средстве, приводящем к социализму. Он размышлял над проблемой реформы и революции, как мы уже показали, но он не видел этой проблемы в рамках капитализма, как ее видел Бронтер. Улучшение положения рабочих, рассуждал последний, будь это сокращение рабочего дня или увеличение зарплаты, «не затрагивает тех главных законов общества, которые большей частью направляют производство и распределение материальных благ и которые, пока они существуют, исключают возможность справедливой платы за честный труд»⁵⁶. Классовая борьба, занимающая центральное место в размышлениях и Буонарроти, и Бронтера, объясняется одним, исходя из условий простого товарного производства, другим — из понятий, присущих развивающему-

⁵² «The Poor Man's Guardian», February 2, 1833.

⁵³ «The Poor Man's Guardian», December 14, 1833.

⁵⁴ «The Poor Man's Guardian», December 21, 1833.

⁵⁵ «The Poor Man's Guardian», March 1, 1834.

⁵⁶ «The National Reformer and Manx Weekly Review...». April 24, 1847.

ся капитализму, хотя Бронтер и не смог еще полностью освободиться от концепций ростовщика и «moneymaster». Однако ростовщик, по его терминологии, означал узурпатора плодов чужого труда⁵⁷. Он осуждал не капитал, а связанные с ним злоупотребления. Он приводил такое сравнение: «Капитал подобен навозу или удобрению. От него никакого толку, пока он беспорядочно разбросан. Распространенный должным образом, он обогащает и улучшает. Но если допустить, чтобы он лежал бесполезными кучами, он порождает лишь зловоние и паразитов»⁵⁸.

Чем дольше Бронтер изучал капиталистическую систему, тем яснее он видел, что ее раздирает классовая борьба. Борьба шла между «трудом и мастерством, с одной стороны, и капиталом и хитростью, с другой»⁵⁹. Он был уверен, что рабочие в конце концов победят. Между тем их противник укреплял свои позиции всеми имеющимися в его распоряжении средствами, включая благотворительность, развлечения и религиозные посулы. Борьба была непримиримой, «не на жизнь, а на смерть». Все разговоры об общих интересах капитала и труда были лишь обманом. «Не верьте тем, кто говорит вам, что у рабочих и среднего класса — одни и те же интересы», — таков был его ответ рабочим, которые взяли себе это за правило. «Ад не более удален от рая, а огонь не более противоположен воде, чем интересы среднего класса и класса, производящего блага». «В интересах рабочих, — продолжал он, — работать как можно меньше времени и получать за это как можно больше. Напротив, в интересах капиталиста заставить рабочего трудиться как можно больше и платить ему за это как можно меньше. Таким образом, здесь их интересы диаметрально противоположны друг другу, как два дерущихся быка».

Говоря еще яснее: «Рабочий живет, продавая свою рабочую силу, капиталист — покупая ее по дешевке и перепродавая втридорога аристократии или, иными словами, применяя свой капитал»⁶⁰.

Бронтер заимствовал метафору Томпсона, что капиталистический строй представляет собой «социальную пирамиду». Основанием является «великая трудолюбивая община», от труда которой зависит вся роскошь и великолешие тех, кто стоит наверху. Почему подобная структура не меняется? Томпсон давал на это следующий ответ: потому что производящий класс «подобен могучему гиганту, который, очевидно, полагает, что его мускулистые руки связаны толстыми веревками, тогда как в действительности бедный ипохондрик опутан всего лишь тонкими нитями. Загипногизированный этими воображаемыми оковами, он позволяет собой командовать и находится в услужении у карлика, которому поклоняется как высшему по отношению к нему существу и к голосу которого прислушивается с подобострастным почтением»⁶¹.

Рабочие, говорил Бронтер, должны бороться за две великие цели: постоянную занятость и обеспечение полной оплаты своего труда. Они никогда не смогут достигнуть этих целей в данном обществе, ибо занятость зависит не от их способности, а от того, получит ли капиталист прибыль, наняв их. Если прибыли не предвидится, работа остановится и рабочему останется умереть с голоду»⁶².

⁵⁷ Ростовщиком, говорил он, является «каждый человек, который, не довольствуясь плодами своего собственного труда или справедливым эквивалентом за них, стремится силой или обманом присвоить плоды труда другого» («The Poor Man's Guardian», December 8, 1832).

⁵⁸ Ibid., March 30, 1833.

⁵⁹ «The Poor Man's Guardian», January 4, 1834.

⁶⁰ «The Poor Man's Guardian», August 17, 1833.

⁶¹ «The Poor Man's Guardian», August 10, 1833. Этот отрывок взят из работы Томпсона «The Age of Harmony». См. более значительную его работу — «An Inquiry into the Principles of the Distribution of Wealth Most Conducive to Human Happiness; Applied to the Newly Proposed System of Voluntary Equality of Wealth». London, 1824.

⁶² «Bronterre's National Reformer», March 4, 1837.

Путем аналогичных рассуждений он пришел к выводу, что мальтузианский закон о бедных 1834 г. имеет своей целью «низвести все трудящееся население до такого низкого уровня оплаты, который лишь поддерживал бы его существование». Этот закон — заговор капиталистов и лендлордов против рабочих. Они рассчитывают с его помощью «повысить ренту и прибыль за счет трудящихся; и в результате низвести трудящиеся классы Англии до уровня крайней нищеты, царящей в Ирландии»⁶³. Цель состояла в том, чтобы избавиться от излишнего населения при помощи голода, а участь оставшихся в живых сделать столь невыносимой, что «независимый рабочий согласится на любую, самую жалкую плату»⁶⁴.

Бабувисты использовали выражение «эксплуататоры» и «эксплуатируемые», чтобы выразить отношения между небольшой привилегированной кучкой и огромной массой угнетенного большинства. Это отчетливое классовое деление было достаточно понятным простому народу и в то же время служило партийным лидерам в агитационных целях. Анализ богатств, имеющихся в распоряжении присваивающих классов, и доля, идущая каждому из них, были той проблемой, которую бабувисты, по видимому, игнорировали, хотя обращение и распределение чистого продукта послужили уже предметом исследования в ряде книг и памфлетов начиная с 1758 г., когда была опубликована знаменитая «Tableau économique» («Экономическая таблица») Кенэ и зародилась школа физиократов, так же как и ее последующие критики. Но с тех пор вследствие экономического развития их примитивная схема классовых отношений устарела. Она нуждалась в детальной разработке, чтобы можно было видеть, как делится нетрудовой доход, и Вуайе д'Аржансон попытался сделать это в 1833 г. в своем «Boutade» («Остроумном выпаде»). Буонарротти не только одобрил это в теории, но и призывал осуществить на практике, сняв с рабочих бремя налогов.

Таким образом, Бронтер также был занят исследованием механики процесса эксплуатации. Однако объяснение д'Аржансона совершенно не годилось для Великобритании с ее более развитой экономической структурой. Здесь, как убедился Бронтер, процесс эксплуатации был достаточно сложным. Он включал в себя как противоречие между зарплатой и доходами, так и распределение доходов. После Рикардо, Годскина и Томпсона Бронтер едва ли мог пройти мимо второй части проблемы. Он подразделял доходы на ренту, десятину, пошлины и прибыль на капитал, все они принадлежали праздным классам. Иногда он продолжал список праздных классов, включая в него публицистов, адвокатов, законодателей, шпионов и вооруженные силы⁶⁵, так что вся классификация напоминала социальную пирамиду Томпсона или параболу Сен-Симона.

Вставал вопрос, как определяется соотношение между прибылью и зарплатой? Это беспокоило Бронтера, и, вероятно, он не сумел ответить на этот вопрос. Поэтому он без возражений опубликовал письмо от некоего лица, подписавшегося «Равенство», который очевидно приводил некоторые соображения по данному вопросу. Ответ, говорил он, зависит от некоторых предварительных данных. Прежде чем кто-либо сможет решить, высока или мала сумма, идущая на оплату труда, он должен знать стоймость всего капитала, число рабочих, сопоставленное с продуктами, которые можно купить на их зарплату.

«Равенство» читал, очевидно, Рикардо и Годскина, а также, возможно, изучал статистические таблицы распределения национального дохода

⁶³ «Bronterre's National Reformer», February 4, 1837.

⁶⁴ «Bronterre's National Reformer», March 18, 1837.

⁶⁵ «Bronterre's National Reformer», January 21, 1837; «The National Reformer and Manx Weekly Review...», December 26, 1846.

Патрика Кэхуна⁶⁶. «Каждое добавление к капиталу нации,— писал г-н «Равенство»,— уменьшает долю зарплаты в цене любого товара и увеличивает долю прибыли. В то же время не существует обязательной связи между зарплатой индивидуального рабочего и количеством капитала в стране». Он приводит такой пример. «В Англии человек может получить лишь шестую часть продукта своего труда, тогда как рабочий во Франции может получить третью часть; и однако зарплата у англичанина будет такой же, как у француза, если он сможет произвести вдвое больше, чем француз, с помощью более развитых знаний и средств производства. Если в Англии каждый способный рабочий приводит в движение капитал в 1000 ф. ст., тогда как каждый французский рабочий использует в среднем только 500 ф. ст., и если норма прибыли и норма зарплаты будет одинакова в обеих странах, тогда все английские капиталисты в целом поделят между собой вдвое большую часть промышленного продукта, чем французские капиталисты. Положение рабочих будет одинаково в обеих странах, но английские бездельники израсходуют вдвое больше богатств, чем французские»⁶⁷.

Так как Бронтер не сделал никаких замечаний и не полемизировал с письмом г-на «Равенство»,— а он всегда это делал, если бывал с кем-либо не согласен,— мы можем предположить, что он разделял эти аргументы. Это целиком соответствовало его собственному пониманию того, как подразделяется доход от труда и как осуществляется процесс эксплуатации. Даже более того, это подтверждало его основное положение о том, что политическое устройство представляет собой отлично сконструированный механизм, с помощью которого лендлорды и капиталисты «лишают производящие классы» богатства, которое те создают, а также «всякого участия в управлении и всех средств самозащиты с помощью закона»⁶⁸.

Главной мишенью его критики был капиталистический класс, который он определял различными наименованиями. Одно из них, которым он пользовался особенно часто,— это «средний класс», потому, что он занимает «промежуточное положение между рабочими и аристократией»⁶⁹. Разумеется, обвинения Бронтера по адресу этого класса были резкими. Некоторые из них мы уже приводили, но наиболее тяжкие обвинения еще необходимо отметить. В целом они сводятся к следующему. Как доказали обе французские революции и английский билль о реформе 1832 г., врагам свободы нельзя доверять составление народной конституции. Они обманывают массы и держат их в невежестве с помощью проповедников, прессы, школ и зрелищ⁷⁰. Враги свободы торгуют голосами народа, как товаром, и бросают союзников, добившись своей цели; они насаждают деспотизм, если это повышает их безопасность, и к любому начинанию относятся исходя из своекорыстных расчетов. Вот как он подытоживает свои обвинения против среднего класса на примере его отношения к рабочим: «Обласкивать рабочего, когда у него оружие в руках; принудить его к порядку, если его уговорили сложить оружие; присвоить плоды победы; ссориться из-за распределения власти; и главное не оставлять простому рабочему свободы ни в чем, кроме выбора хозяина»⁷¹.

⁶⁶ См. важную работу Кэхуна «*Treatise on the Population Wealth, Power and Resources of the British Empire*» (1814). В следующем году вышло второе издание. Не случайно Бронтер цитировал «*Treatise*» Кэхуна, чтобы показать, «в каких пропорциях национальный продукт распределяется между различными классами».— «*The Poor Man's Guardian*», October 26, 1833.

⁶⁷ «*The Poor Man's Guardian*», July 20, 1834.

⁶⁸ «*The National Reformer and Manx Weekly Review...*», December 2, 1846.

⁶⁹ «*The Poor Man's Guardian*», March 23, 1833.

⁷⁰ O'Brien. *The Life and Character of Maximilian Robespierre*. London, 1833, v. I,

⁷¹ «*The Poor Man's Guardian*», December 15, 1832.

Бронтер торжественно призывал рабочих полагаться только на самих себя. Подобно Бабефу и Буонарроти, он предупреждал, что при существующем строе у праздных классов «никогда не может быть общих с рабочими интересов и взглядов». Следовательно, они никогда не осуществят действительной реформы общества, если не вырвать у них эту реформу силой или угрозой применить силу. История показывает, что во все времена и при любых условиях «богатые были и всегда будут в постоянном заговоре против бедных» ⁷².

Как сорвать этот заговор? Мы уже показали, что Бронтер и Буонарроти расходятся в этом вопросе. Было время, когда охваченный гневом Бронтер угрожал правящему классу насильственным ниспровержением его господства, если массам не будут обеспечены их законные права. После того как дорсетширских батраков приговорили к высылке за содействие союзу сельскохозяйственных рабочих, он воскликнул: «Мы являемся свидетелями революции не политической, а социальной, не такой революции, которая заменяет один деспотизм другим, а такой, которая покончит со всяким деспотизмом, уничтожив то, что является источником любого деспотизма и на чем держится любой деспотизм — неравенство социального положения» ⁷³. Но это были лишь отдельные вспышки негодования, ибо Бронтер остался защитником «моральной силы», по его собственному выражению. «Перемене, за которую мы ратуем, не должны сопутствовать кровь и насилие. Она может быть совершена, не прибегая ни к тому, ни к другому». Он предостерегал рабочих против опрометчивых поступков. «Придет время, когда ростовщики выпудят вас к сопротивлению закону, но не делайте этого, пока они сами первые не паруют закон. Строгим соблюдением закона вы принудите их к этому» ⁷⁴.

Тем временем рабочие станут сильными благодаря организации и завоеванию союзников среди тех слоев общества, которые выброшены из жизни в результате свободной конкуренции. Он имел в виду «адвокатов без практики, торговцев без кредита, фабрикантов без капитала... школьных учителей без учеников... писателей без обеда», т. е. деклассированные элементы капиталистического общества. Благодаря непрерывной борьбе с буржуазией рабочие окажутся подготовленными, когда возникнет революционная ситуация.

Бронтер высказал некоторые мысли относительно классового размежевания в революции. История научила его, что во всех великих революциях идеологическая подготовка так же необходима, как и материальная, и революции никогда не совершаются людьми в периоды процветания. В самом деле, если взять английское общество, девять десятых народа прямо заинтересованы в революции ⁷⁵. По его мнению, все предыдущие революции постигла неудача потому, что они «практически не спустились ниже класса, извлекающего прибыль». Иначе говоря, это были буржуазные революции. «Мы видели ниспровержение королевского и военного деспотизмов, могущественной аристократии и церковных учреждений, поповщины и феодализма, но никогда решительный удар не нанесли по господствующему над производителями классу, извлекающему прибыль... Однако без этого — революции бесполезны» ⁷⁶.

⁷² O'Brien. The Life and Character of Maximilian Robespierre, v. I, p. 286. В «The Poor Man's Guardian» от 18 октября 1834 г. он писал, что «все угнетенные должны с недоверием относиться к переменам, которые исходят от их угнетателей и если реформа может принести им благо, они должны осуществить ее сами». И в той же газете от 1 ноября 1834 г.: «Ни одна реформа не поможет трудящимся, если она не направлена на освобождение их от тирании капитала».

⁷³ «The Poor Man's Guardian», March 29, 1834.

⁷⁴ «The Poor Man's Guardian», February 14 and April 12, 1834.

⁷⁵ «The Poor Man's Guardian», November 9, 1833.

⁷⁶ O'Brien. The Life and Character of Maximilian Robespierre, p. 469.

Его заключительная фраза вызывает сомнения. Революцию 1789 г., например, которая нанесла смертельный удар по феодализму, нельзя считать бесполезной. Тем не менее Бронтер проявил удивительное знание анатомии революции, которым он обязан знакомству с литературой о первой французской революции и отзывам современников о второй. На него произвела глубокое впечатление роль простого народа в свержении старого правящего класса и замене его буржуазией. Раз поднявшись наверх, отмечал он, новый класс использует все средства, включая убийство народных вождей, чтобы удержаться у власти. Участие в революции «пролетария или рабочего класса» состоит в том, «что он сражается, трудится, как раб, кричит «ура» и голодает»⁷⁷.

Чтение обширной литературы, посвященной двум французским революциям, привело его к выводу, что в достижении коренной реформы и социальной революции можно полагаться только на рабочих. Такой тип революции он определял следующим образом: «Это революция в «собственности», в морали, религии, науке, торговле, искусстве, во всем. Это — переворот мира вверх дном. Чтобы быть действительно социальной революцией, революция должна установить общественный строй, диаметрально противоположный существующему... Вместо ужасного контраста между чрезмерным богатством и отвратительной нищетой, мы будем иметь «золотую середину», когда никто не будет ни богатым, ни бедным, но все в целом — бесконечно богаче, чем ныне. В таком государстве не будет ни священников, ни ростовщиков, ни палачей, ни солдат, ни адвокатов, ни воров, никаких разрушителей. Короче говоря, оно будет по отношению к настоящему, как рай по отношению к аду»⁷⁸.

Будущее общество, контуры которого набросал Бронтер, походило на общество Годвина и было сродни проекту бабувистов, каким его нарисовал в своей истории Буонарроти. Чтобы достигнуть его, он и Бронтер предлагали различные пути. Первый, как мы отмечали, стремился к заговору и насильственному захвату власти, за чем должна была последовать революционная диктатура. Второй уповал на всеобщее избирательное право — «единственное средство, достойное внимания рабочих классов». Все прочее — лишь панацея. Даже кооперация — выход, предлагаемый оуэнистами, — осуществима только при истинно демократическом правлении, которое возможно лишь в условиях всеобщего избирательного права. Следовательно, говорил Бронтер, «все наши усилия должны быть направлены на достижение всеобщего избирательного права»⁷⁹.

Это же средство ослабит власть богатых над землей и денежным обращением. В противном случае, не имея собственной земли для возделывания, рабочие «всегда будут во власти произвола отдельных личностей, а без контроля над денежным обращением ростовщики всегда смогут лишить их части произведенного ими»⁸⁰.

Мы уже ссылались на его программу национализации, реформы денежного обращения и установления справедливого обмена. Здесь мы вновь возвратимся к этой программе в связи с ее близостью к оуэнизму.

Хотя во взглядах на узловые проблемы Бронтер расходился с великим социалистом-утопистом, однако он был многим ему обязан, особенно в вопросе о деньгах и обмене, и воздавал ему дань уважения как своему учителю⁸¹. Подобно Оуэну, Бронтер стремился объединить производителя и потребителя в одном лице. Однако один для достижения этой цели полагался на просвещение и кооперацию, другой — на всеобщее избирательное право и политическое действие. Бронтер соглашался

⁷⁷ O'Brien. The Life and Character of Maximilian Robespierre, p. 217.

⁷⁸ «The Poor Man's Guardian», March 29, 1834.

⁷⁹ «The Poor Man's Guardian», April 20, 1833.

⁸⁰ «The Poor Man's Guardian», April 5, 1834.

⁸¹ «The Poor Man's Guardian», April 3, 1835.

с тезисом Оуэна, что все зависит от сверхизобилия, которое необходимо, чтобы начать строить новое общество. Но он не верил, что социализм достижим в его время. Это была лишь мечта. Крупнейший недостаток системы Оуэна (а также Фурье и Сен-Симона) состоял, по его мнению, в том, что она не соответствовала «неотъемлемым свойствам человека». Следовательно, «невозможно ее осуществить во всеобщем масштабе». Кроме того, призрачной остается надежда на то, что наступит тысячелетнее царство такой антагонистической пары, как труд и капитал. Отвечая на вопрос Оуэна, почему дары природы и дело рук человека не употребляются ко всеобщему благу, он говорил: «Потому, что богатые всегда правили так, чтобы обойти бедных», потому что их законы давали возможность отдельным лицам накапливать богатства за счет труда народа. В обществе, где каждый человек старается уклониться от участия в общем труде, свалив его на соседа, «на что еще может рассчитывать г-н Оуэн или кто-либо иной, как не на точно такой же мир, какой мы имеем,— мир обмана, эгоизма, утонченного варварства и убийства»⁸². Здесь, очевидно, следует напомнить о коренном расхождении между учителем и его учеником. В то время как Оуэн, подобно Бабефу и Буонарроти, рассчитывал на окончательное упразднение частной собственности, Бронтер стремился поставить ее на другую основу, реформировав институт собственности так, чтобы рабочий получал полное возмещение за свой труд. Следовательно, он не требовал перемен, которые вынудят владельцев богатств отказаться от своих прежних приобретений. Его вера в мирный путь убеждала его в том, что они будут достаточно благоразумны, чтобы «согласиться на требуемые социальные перемены» и тем самым обезопасить свое имущество. Фактически Бронтер, подобно Оуэну, полагался на рационализм буржуазии и рассчитывал на революцию с ее согласия. Ибо она не рискнет воспротивиться подавляющему большинству, которое выразит свою волю благодаря всеобщему избирательному праву. Не земных образцов рая, доказывал Бронтер, а силы разума и общественного мнения будет достаточно, чтобы добиться действительных реформ и в конце концов социальной революции.

* * *

Хотя Буонарроти мало придавал значения подобному типу революции, как мы уже неоднократно повторяли, в некоторых вопросах его соображения совпадали с соображениями Бронтера. Отправляясь от той же социальной философии, оба они делали ставку на политическое действие как на средство социального переустройства, и оба уважали Бабефа и Оуэна, хотя и по разным причинам⁸³. Оба они равным образом восторгались Робеспьером. Именно горячая защита Робеспьера Буонарроти в его истории бабувизма и была одной из причин, побудивших Бронтера перевести книгу. Кроме того, он хотел дать английскому народу пример движения, сходного с его собственным по своим принципам и цели; показать народу, что методы его противников точно такие же, какие успешно применялись во Франции; доказать народу, что его обманули относительно значения и руководителей первой французской революции.

Вторая французская революция, 1830 г., сильно оштрафовала и на Англии. Ее воздействие можно подытожить в трех фразах. Она показала, что массовые действия могут принести результаты. Она вызвала у правящего класса опасения, как бы французский пример не побудил англичан последовать ему. И она ускорила политическую реформу. Проница-

⁸² «The National Reformer and Manx Weekly Review...», January 30, 1847; «The Poor Man's Guardian», March 14, 21, 1835.

⁸³ 5 отрывков из Оуэна, добавленные Бронтером к переводу книги Буонарроти, имели своей целью дополнить замечание Буонарроти о сходствах доктрин Бабефа и Оуэна.

тельные люди увидели вскоре после событий во Франции, что «битва за английскую свободу была выиграна в Париже»⁸⁴.

Революция 1830 г. пробудила у многих англичан интерес к более отдаленной революции 1789 г. Бронтер был одним из них. Одаренный лингвист, прекрасно владевший французским языком, он прочитал всю имевшуюся литературу и к своему удивлению обнаружил упорное единодушие историков в их стремлении оклеветать борьбу народа и преданных ему вождей. В результате своих занятий он решил воздать должное их памяти, «избавить славное дело демократии», как он выражался, «от клеветы и зловония, которыми его окружили». Были у него и политические мотивы. «создать новое общественное мнение, которое сможет защитить мою собственную теорию и теорию моих братьев-демократов... от ужасной системы клеветы и проскрипции... которая несомненно будет пущена в ход против истинных реформаторов в этой стране», а также ознакомить английский народ и его вождей с теми действиями, которых они должны остерегаться, если хотят избежать судьбы, подобной той, которая постигла прошлые реформаторские движения. По этим же соображениям он надеялся поколебать «уроки истории и авторитет великих имен», ибо правящий класс использует их для поддержания своей власти⁸⁵.

Таковы были мотивы, побудившие его написать биографию Робеспьера и вынашивать замысел создания истории Французской революции. Личное несчастье помешало ему завершить первое и приступить ко второму⁸⁶.

Что привлекло Бронтера к Робеспьеру? Начать хотя бы с той невероятной брани в его адрес, которая заставила Бронтера усомниться в правдивости обвинителей. Затем история, написанная Буонарроти, открыла ему более глубокие течения во Французской революции. Вникая дальше в тему, он подошел к робеспьеровской конституции 1793 г., которая, по его словам, «сделала законодательное учреждение Франции таким, каким следует быть каждому законодательному учреждению,— простым комитетом по управлению, по руководству делами, по ведению дел нации»⁸⁷. Он отождествлял дело Робеспьера со своим собственным.

Новые исторические произведения и французские радикальные деятели — его современники также способствовали обращению Бронтера к робеспьеризму. Среди этих произведений были мемуары Шарлотты Робеспьер, сестры Максимилиана, исторические работы Альбера Лапоннере, робеспьериста и необабувиста, и многочисленные тома «Histoire parlementaire» Бюше и Ру. Среди радикальных деятелей был ряд вожakov клубов, которых он встречал в Париже, собирая материал для биографии Робеспьера. Это были робеспьеристы Арман Каррель и Годфруа Кавеньяк, коммунист Беррье-Фонтэн, живший впоследствии в изгнании в Англии, и сподвижник Буонарроти Шарль Тест, через которого ветеран-бобувист передал Бронтеру рукописную копию «Заметок о Максимилиане Робеспьере», которую Бронтер поспешил перевести и включить в биографию⁸⁸. Кроме того, биограф сообщает нам, что он имел встречу с престарелым Буонарроти и слышал, как он превозносил великого якобинца⁸⁹.

⁸⁴ «Political Letters and Pamphlets» (газета Уильяма Кадпентера), October 29, 1830

⁸⁵ O'Brien. The Life and Character of Maximilian Robespierre, v. I, p. 3—4

⁸⁶ Биография была опубликована отдельными выпусками в 1837 г., а первый ее том в 1838 г. Лондонский «Democrat» в номере от 16 мая 1839 г. дал из нее выдержки

⁸⁷ «The Poor Man's Guardian», November 24, 1832

⁸⁸ O'Brien. The Life and Character of Maximilian Robespierre, v. I, p. 84—96 Это было первое и, насколько нам известно, единственное издание на английском языке очерка Буонарроти. На французском языке он печатался много раз. Впервые он появился в брюссельской газете «Le Radical» в 1837 г., а пять лет спустя — в парижской газете «La Fraternité».

⁸⁹ O'Brien. The Life and Character of Maximilian Robespierre, v. I, p. 107f., 168; «A Dissertation and Elegy», p. 7

В данной статье в наши планы не входило дать оценку биографии, написанной Бронтером. Мы можем лишь сказать здесь, что это панегирик, имевший своей целью воспрепятствовать потоку брани. Достиг ли труд своей цели и заставил ли он современников пересмотреть свое мнение — сказать трудно. Но это была одна из ранних попыток изобразить Робеспьера человеком высоких мыслей и благородных стремлений, исключительно демократом, пытавшимся «утвердить новое общество, основанное на политическом и социальном равенстве всех его членов»⁹⁰. Этот портрет так походил на описание, данное Буонарроти в «Заговоре во имя равенства», что Бронтер решил перевести книгу.

Это решение, как мы говорили, было порождено его стремлением просветить английскую публику в отношении Французской революции и тем самым ослабить опору существующего строя. Ибо он был недоволен и для Бронтера, и для Буонарроти, а делом всей их жизни было стремление заменить этот строй их другими социальными системами.

⁹⁰ *O'Brien* The Life and Character of Maximilian Robespierre, v I, p 10

тематически связанные материалы
<http://istmat.info/vive-liberta>

Буонарроти Ф. Заговор во имя Равенства / перевод с франц.

Черткова Г.С. От Бабефа к Буонарроти:
движение во имя равенства или Заговор равных?

Волгин В.П. Великая французская революция и социализм.
Идейное наследие бабувистов

Дотри Ж. Бабувистская традиция после смерти Бабефа
и до революции 1830 г.

Бернстайн С. Необабувистская печать 1837—1848 гг.

Домманже М. Бабеф и заговор равных

Эренбург Э.Г. Заговор равных

Иоаннисян А.Р. К истории французского утопического
коммунизма первой половины XIX столетия

Иоаннисян А.Р. Коммунистические идеи
в годы Великой французской революции